

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ПАМЯТИ ЖЕРТВ
РЕПРЕССИЙ ПРИ КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ФОНДА ИМ. КОНРАДА АДЕНАУЭРА ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ (ORALHISTORY)
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ:
*МЕТОД, ИСТОЧНИК, КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ***

*Сборник статей Международной, научной конференции
1 ноября 2018 г.*

Ташкент 2019

УДК 728.638(8)
ББК 85.14.(У) И32

Ответственный редактор:

доктор исторических наук Хасанов Б.В.

Редакционная коллегия:

*доктор исторических наук Хасанов Б.В.,
кандидат исторических наук Сабиров А. Т.,
кандидат исторических наук Татыбаев А. С.,
кандидат исторических наук Зикруллаев М. Ф.*

Техническая редакция:

Руслан Багапов

Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии: сборник статей Международной научной конференции (1 ноября 2018 г., г. Ташкент). Ташкент 2019г., издательство «Навруз». - 204 с.

Настоящий сборник составлен по итогам Международной научной конференции **«Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии»** состоявшейся 1 ноября 2018 г. в г. Ташкенте. В сборнике статей рассматриваются современные вопросы и практика применения результатов научной дисциплины, «устная история», обладающей собственным методом исследования, с помощью которого осуществляется фиксирование знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, докторантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника статей Международной научной конференции ссылка на сборник статей обязательна.

Данное издание осуществлено при финансовой поддержке Регионального Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра по Центральной Азии

ISBN 978-9943-5622-0-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение Регионального уполномоченного Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра по Центральной Азии (Германия) Д-ра Томаса Кунце	5
Предисловие академика Академии Наук Республики Узбекистан, доктора исторических наук, профессора Ахмадали Аскарова	7
Предисловие академика Академии Наук Республики Узбекистан, доктора филологических наук, профессора Наима Каримова	11
Р.Киндлер Oral history: потенциалы и методологические вызовы	12
Б.Хасанов, А.Сабилов Устная история как инновационный подход в музейном деле (на примере Государственного музея Памяти жертв репрессий)	24
Т.Щеглова Устная история в Российской исторической практике: опыт и значение	33
Д.Алимова «Социальная история» и ее изучение в Узбекистане	49
Б.Ракишева, А.Мажитова, Г.Ашкенова, Г.Емишева «Международные исследования по методике "oral history": опыт Казахстана»	68
И.Фукалов Устные предания-плачи (кошоки) по событиям Уркуна 1916 год	83
А.Сабилов Устная история как метод и источник исторического исследования. опыт Узбекистана	90
К.Абдуллаев Устная традиция как источник изучения истории Средней Азии 1920-1930-х годов	103
А.Сайтов Развитие устной истории в Каракалпакстане	114
С.Нуржанов Из опыта историко-социологических исследований в Каракалпакстане	124
А.Сеитов Особенности использования метода наблюдения в устно-исторических исследованиях	135
В.Хан Воспоминания корейских переселенцев об участии в «трудовой армии» в годы войны и их репрезентация: мифы и историческая реальность	142

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ОПЫТ И ЗНАЧЕНИЕ

Устная история в его зарубежном понимании, как «Oral history», прошла в России тридцатилетний период развития. Однако методы устной истории и ее источники использовались и в мировой, и в отечественной практике издревле. За рубежом, начиная с отца истории - Геродота, который в трактате о греко-персидских войнах писал «слушая седовласого старца»; в России – с хроник и летописей. Об этом сейчас появился ряд исследований, например, по устной истории Новгорода С.Н. Азбелев²³. Автор находит в средневековых летописях отрывки устных свидетельств и работает с ними применяя соответствующие методики. В научной среде с подачи академика С.О.Шмидта появились термины «ферменты» устной истории в письменных документах. Автором также проведен ряд исследований, которые показывают, что ферменты устной истории содержатся в историко-статистических и даже делопроизводственных документах XIX в.

Использовались опросы с опорой на историческую память и на протяжении всего XX века. Наиболее интересным в контексте сегодняшней темы выступления являются 1920-е г. Более того, можно провести аналогию с 1980-ми годами. Для тех и для других содержание работы определял излом исторических эпох – постреволюционная и постперестроечная ситуация. И в 1920-е годы и в 1980-е годы возник интерес к устной истории, как способу получения информации для осознания прошлого и настоящего как со стороны научного мира, так и общества. Также как со стороны государства для пересмотра, в первом случае, дореволюционной, во втором случае советской истории (что влечет и позитивные, и негативные последствия). И в 1920-е и в 1980-е гг. активную роль в развитии «устной истории» сыграли интеллигенция и академические историки. В 1920-е г., например, инициатором устной

²³ С. Н. Азбелев Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. — СПб.: «Дмитрий Буланин». — 296 с. 2007

истории революций, пролетариата, фабрик и заводов был известный писатель М. Горький. Благодаря его призыву изданы многотомные «Истории». В них, в том числе опубликованы рекомендации проведения интервью и фиксации устного рассказа стенографистами (в то время как альтернатива техническим средствам). А академики, такие как М. Покровский, М.К. Рожкова, А.М. Панкратова и др. по призыву государства «совершили хождение в народ» с целью зафиксировать рассказы участников тех исторических событий и явлений, которые замалчивались или имели стереотипные оценки в дворянской официальной историографии, а по исследовательскому долгу - с целью зафиксировать «Россию уходящую». Базой устной исторической работы служила разветвленная сеть Истпарта с региональными отделениями (на Алтае – это артель «Краевед» и Общество пятигодников – участники революционных событий 1905 г.). Для массовой работы ими были разработаны вопросники и написаны способы формирования устных архивов²⁴. Такую же работу провели советские историки по Великой отечественной войне, работая в прифронтовой полосе. Созданный ими архив хранится в Институте российской истории РАН.

Масштабные устноисторические исследования по созданию массива источников по эпохе революционных потрясений закончились в 1930-е гг., когда в результате «перезагрузки» исторической науки взамен дореволюционных идеологем начали формировать новые советские мифологемы. Некоторые участники были репрессированы, т.к. обратившись к «истории снизу» на региональном уровне они невольно «вытащили информацию», которая не вписывалась в формируемые схемы историописания. Сходство краеведческих с устноисторическими исследованиями проявлялись в очень своеобразных

²⁴ Щеглова Т.К., Дрожцкий Д.А. Устная история (Oralhistory) в российской исторической практике 1920-1930-х годов: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории // Известия АлтГУ. – 2014. – № 4/2 (84). С. 267-280

отношениях с государством. Зависели они от того – желало или не желало государство слышать «историю снизу», которая могла отражать прошлое в унисон с оценками официальной истории или противоречить (например, в оценках коллективизации). Даже, тогда, когда получаемая опросами информация не входила в прямую в оппозицию с официально-историческими мифологемами, а вносили корректировку в парадный портрет исторических событий (например, индустриализация).

Начало устной истории в России как аналога зарубежной «*Oral history*», можно отсчитывать с 1987-88 годов. Страноведческие особенности устной истории в международной практике определяются прежде всего историческим прошлым того или иного общества, его исторической памятью, которые обуславливали специфику развития устной истории в той или иной стране. Например, элитарное развитие устной истории в США как «истории сверху» и демократическое развитие в послевоенной Европе, как «истории снизу».

В определенной степени устная история России явилась детищем перестройки, которая привела сначала к ниспровержению существующих порядков, а затем и к пересмотру исторического прошлого. Для возникших на постсоветском пространстве государств устная история с опорой на историческую память стала инструментом создания «своей национальной истории», написание которой являлось частью процессов суверенизации и развития гражданского общества. История как наука всегда входила и входит в состав инструментов по формированию национальной идеи, гражданской ответственности и государственности.

Для профессионального исторического сообщества России одной из главных причин обращения к устной истории стало состояние источниковой базы вследствие запрета одних исторических проблем, мифологизации или идеологизации других, замалчивания или акцентуации на третьих. Это привело к недостаткам государственных архивохранилищ. Побудительным мотивом стала и востребованность материалов устной истории государственными институтами и гражданским

обществом. Для последних интерес был обусловлен несовпадением оценок официальной истории с эмпирическим опытом участников исторических событий.

Ее становление происходило в условиях нарастающей политизации российского общества, гласности, роста протестных и оппозиционных настроений. Центрами устной истории и в исторических столицах России (Москва, СПб), и в провинции стали университеты. Особенностью являлось тесное сотрудничество университетской среды с журналистским миром. Пионерскую роль сыграл Московский государственный историко-архитектурный институт (ныне институт в составе РГГУ), где в 1988 г. был создан Московский клуб устной истории. На взгляд автора, это стало закономерным событием по ряду причин. Во-первых, потому что Oral history в некоторых зарубежных странах (США) возникла как отрасль архивоведения. Во-вторых, именно отечественные архивисты первыми еще в 1960-70-е гг. освоили зарубежный опыт и познакомили российских исследователей с Oral history²⁵. В-третьих, Москва являлась локомотивом и перестройки, и перезагрузки исторической науки. Ярослав Леонтьев, выпускник МГИАИ и член московского клуба устной истории провел параллель между созданием клуба устной истории в МГИАИ и широкими общественными инициативами, в ходе которых родился и Московский народный фронт, и «Мемориал», и другие общественные организации.

Соответственно значительную роль в становлении устной истории сыграла университетская интеллигенция. Частью нового «архивистского мышления» стало осознание эпохальности происходящих событий и необходимости их «задокументировать». А его следствием - создание в том же 1988 г. советской ассоциации молодых историков и попытки заложить

²⁵ Кузнецов Н. П., Суринов В. М. Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Советские архивы. 1980. № 1; Мусатова Т. Н., Кузьмичев Н. А., Серегин А. В. "Устная история" как метод активного комплектования // Проблемы хранения и обеспечения сохранности архивных документов: сб. науч. тр. М., 1985. С. 14–20

“Народный архив”. Вдохновил молодое поколение историков на это спрос российского общества на исторические интерпретации ранее табуированных тем. Были поставлены задачи реализации новых подходов в историописании пересмотр итогов исторических исследований в советской историографии. В перестроечном пылу началась «перезагрузка» исторической науки, но уже с противопоставлением советской историографии – постсоветской, как ранее в 1920-е г. советской – дворянской. На этом этапе в деятельности устных историков смешались две функции – политическая, что проявлялось в участии в бурных общественных движениях и формировании «нового мышления» и – исследовательская, что вылилось в организацию устноисторических исследований.

Деятельность Московского клуба устной истории и ассоциации молодых исследователей привела к созданию Общества устной истории в СССР. Произошло это 27–28 ноября 1989 г. в Кирове на базе университета в рамках Первой всесоюзной научной конференции «Проблемы устной истории в СССР». Это событие стало началом переориентации устной истории с общественно-политических дебатов на исследовательскую работу и вовлечение в эти процессы университетов российской провинции. Следствиями принятых на конференции решений стали экспедиции, полевые исследования и первые публикации с введением «рядовых участников» исторических процессов в исторические повествования – коллективизации и раскулачивания, голода на Украине в начале 1930-х гг. А также создание на базе МГИАИ первой в России научной лаборатории устной истории под руководством Дарьи Никитичны Хубовой. Этому событию способствовало обновление руководства МГИАИ (ректор Ю.Н. Афанасьев - автор крылатой перестроечной фразы «агрессивное большинство») и создание на его базе Российского государственного гуманитарного университета, как, «альтернативы другим зас-корупциозным гуманитарным вузам» (Ю.Н.Афанасьев). С этого времени к развитию устной истории подключились ведущие историки О.С. Шмидт и Б.С. Илизаров. Благодаря лаборатории началось

освоение опыта зарубежной устной истории. Первая диссертация была подготовлена в РГГУ Д.Н. Хубовой, а защищена в Амстердаме²⁶. Показательным является вхождение Д.Н. Хубовой в устную историю. Оно похоже с многими зарубежными устными историками, соединявших в своей деятельности журналистскую и научную работу, в т.ч. основателем А.Нэвинсом, что вполне объяснимо. Интервью выводит журналистов на историю в жизненных биографиях людей, и они становятся историками. Для историков интервью дает источниковую информацию, и они становятся публицистами, журналистами, писателями, не переставая быть историками или сочетали в творчестве и то, и другое. К сожалению, с уходом «детей перестройки» из РГГУ в другие сферы – политику, телевидение, бизнес, деятельность лаборатории устной истории прекратилась²⁷.

В целом становление российской устной истории на рубеже 1980-90-х гг. проявлялось как в создании региональных центров, так и появлении устных историков-энтузиастов. Для этого этапа характерен интерес к методологии устной истории. Например, работы д.и.н. Д.П.Урсу (Симферопольский государственный университет, Одесский госуниверситет)²⁸, с которым автора связывало сотрудничество. Его ученик Владимир Поляков 17 февраля 2017 года (день кончины) заметил: «мало кто знает, что Дмитрий Павлович — один из столпов отечественной «устной истории». Особенностью этого этапа стал поиск путей введения устных источников в исследования. Интерпретация устных источников является сложной проблемой. Ее можно сформулировать следующим образом – «как уйти от описательности с опорой на сплошное цитирование». К

²⁶ Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Москва, 1992. – 34 с.

²⁷ Традиции лаборатории устной истории обращения к исторической памяти в определенной степени продолжают ряд современных центров, созданных в РГГУ. В частности, Учебно-научный центр социальной антропологии (директор – ведущий антрополог, академик В. А. Тишков.

²⁸ Урсуд. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. — М., 1989.

слову - первые работы этим и грешат²⁹, что собственно объяснимо, т.к. в это время само цитирование обширных отрывков из интервью по депортации или раскулачиванию являлось открытием новых страниц в историческом прошлом. Одним из первых осваивал и методику опроса, и интерпретацию материалов интервью Кировский историк, д.и.н. В.А. Бердинских, закончивший докторантуру в РГГУ в 1994. В центре внимания исследователя в его поездках находилась жизнь носителей крестьянской культуры и судьбы

Недостатком этого этапа, обусловившего проблемы дальнейшего развития устной истории в России являлась незавершенность ее институализации. Ни вторая конференция 1991 г. (г. Киров), ни третья в 1992 г. (г. Калининград)³⁰, ни конференция 2006 г. в Барнауле³¹, на которую автору удалось собрать представителей действующих российских Центров устной истории, не смогли консолидировать всех и реанимировать деятельность «Общества устной истории в России». Незавершенность организационной структуры российской устной истории отразилась на характере развитии устной истории в России на протяжении 1990-2010-х годов. За это время создавались и закрывались центры устной истории. Отсутствие связи между ними, несогласованность методики создания устных источников, их документирования и архивирования ослабляют позиции отечественной устной истории. Последствием этого стала и оторванность российских центров устной истории от деятельности международного сообщества, консолидовавшегося в Международную ассоциацию по устной

²⁹ Бердинских В.А.Рядовые фронта и тыла //Волга. - 1989. - № 5–6; *Бердинских В. А. Очерки крестьянской цивилизации в России // Волга. - 1991. -№ 1–3.*

³⁰ Проблемы устной истории в СССР: материалы второй науч. конф. в г. Кирове. 14–15 мая 1991 г. — Киров, 1991; Проблемы устной истории и современность. — Калининград, 1992

³¹ Устная история (Oral History): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25-26 сент. 2006 г.) / БГПУ, Лаб. ист. краевед. [сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова]. - Барнаул, 2007

истории (International Oral Association History (ИОНА))³².

Одни из них выстраивали проектную деятельность в сотрудничестве с отдельными зарубежными центрами, другие овладевали навыками через опыт практической деятельности. Одни развивали устную историю с общественно-гражданскими целями, другие – занимались сугубо научными исследованиями. Это отразилось в многовидовых формах центров, их многовекторной и многофункциональной деятельности. На это влиял и фактор расположения и доступность – территориальная и/или информационная.

Примером общественно-гражданского значения является деятельность московского историко-просветительского общества «Мемориал» и лаборатории устной истории при Европейском университете в Петербурге, с финансированием зарубежных благотворительных центров. Для «Мемориала» это связано с правозащитной деятельностью. Отсюда и тематические коллекции устных источников, например, о государственном терроре или о сопротивлении режиму (история ГУЛАГ в 1918 – 1956 гг.; история инакомыслия - 1953 – 1987 гг.). Вместе с тем «Мемориал» перешел к широкому охвату исторических процессов, сформулировав исследовательский принцип «Человек в истории. Россия - XX век», создав с 2000 г. ежегодный конкурс для школьников, что привело к вовлечению региональных образовательных и культурно-просветительских учреждений в исследования, основанные на исторической памяти населения. Образовательный потенциал устной истории реализуется через центр устной истории и биографии и через созданный в 2008 году обучающий сайт «Уроки истории»³³.

Примером тесного международного сотрудничества является деятельность лаборатории устной истории в ЕУ СПб,

³² International Oral History Association – iohanet.

URL: <http://www.iohanet.org/contact/index.html> (дата обращения: 11.10.2017).

³³ Центр устной истории и биографии // Мемориал.

URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/collections/archives/oral-history/>; Уроки истории. XX век» — научно-популярный проект. URL: www.urokiistorii.ru (дата обращения: 11.10.2017)

созданная в 2001 году (прекратила деятельность в 2010 г.) при поддержке Института «Открытое общество» (фонд Сороса) и Центра устной истории Университета Индианы (США). В ее деятельности прослеживается влияние, прежде всего, традиций американской устной истории, представители которой являлись в разные годы сотрудниками лаборатории. В частности, проявляется это в принципах архивирования устных свидетельств и в юридических аспектах проведения интервью. Попытки лаборатории повлиять на российскую устную историю реализовывались через введение программ магистратуры и аспирантуры по подготовке устных историков, в организации летних школ по устной истории с акцентуацией на проблемах коллективной и индивидуальной исторической памяти; в издании научно-методических материалов³⁴. Самостоятельным направлением работы являлась реализация исследовательских проектов. Например, «Блокада в коллективной и индивидуальной памяти жителей города»; «Повседневность эпохи позднего социализма...»; «Бамовцы о БАМе: История последней стройки социализма», «Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Северного Приладожья и Карельского перешейка» и др.

Развитие устной истории в российских регионах в 1990 – 2010-х гг. прошло несколько этапов, отражая специфику, обусловленную особенностью исторических процессов. Вместе с тем в ее развитии возобладали общие тенденции. На начальном этапе деятельности региональных центров сформировалась тенденция исторических исследований в русле изучения белых пятен локальной истории. А пережив период сенсационных открытий, центры перешли к проектам по советской повседневности через изучение масштабных исторических событий в контексте реконструкции регио-

³⁴ Лоскутова М.В. Устная история. Методические рекомендации по проведению исследования. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – 56 с.; Хрестоматия по устной истории / Перев.: М. В. Лоскутова; сост.: М. В. Лоскутова; под общ.ред.: М. В. Лоскутова. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003

нального исторического прошлого, например, Великой отечественной войны (Воронеж; Ростов-Ставрополь). Примером является изучение войны центром устной истории ПетрГУ (Петрозавдск)³⁵ в проекте «Финская оккупация Карелии (1941 – 1944)» через работу с двумя группами респондентов: с одной стороны, бывшими советскими военнопленными и русскоязычными заключенными трудовых концлагерей, созданных финнами в Карелии, с другой стороны, с финно-угорскими коренными народами (карелы, вепсы, лопари), попавшими в силу этнического родства в более привилегированное положение и привлекавшимися в качестве «стражей» в тех же лагерях. У всех свои оценки финской оккупации. Это обстоятельство до сих пор определяет особенности исторической памяти населения Карелии.

Иные проблемы в устной истории войны выявлены сотрудниками центра устной истории Воронежского государственного педагогического университета, возникшего в 2000 году, обусловленные оккупацией территории Воронежской области. Позже в центр вошли Воронежский государственный университет (ВГУ), Воронежский межрегиональный институт общественных наук (ВМИОН), Воронежская государственная телевизионная и радиовещательная кампания (ВГТРК), Воронежская организация "Мемориал" и др. В деятельности Центра доминируют темы, связанные с «Образом Германии и немцев в восприятии участников Великой Отечественной войны СССР» или с «Немецкими военнопленными в Воронеже и Воронежской области». Тема образов участников драматических событий потребовали межнациональных проектов историков России, Польши, Германии.

В 2000-е г. популярными стали сайты по устной истории науки (центр устной истории МГУ, г. Москва; центр устной истории ЧелГУ, г. Челябинск; РГГУ, г. Москва). Защищена диссертация по устной истории науки Москвы М.В. Мок-

³⁵ Устная история в Карелии. URL:<http://oralhist.karelia.ru/index.html> (дата обращения: 11.10.2017)

ровой³⁶. Другие центры, начав с монотематических исследований, переходят к комплексной тематике. Примером, является возникший в 2015 год при кафедре отечественной истории Центр устной истории Тюменского госуниверситета. Начав с изучения религиозного сознания и устной истории конфессиональных групп, он вышел на антропологию академической жизни.

Ряд региональных центров в ответ на запрос регионального сообщества занялись устной сельской историей. Одним из них является центр Иркутска-Братска (совр. Центр независимых социальных исследований), создавший архив устной истории Байкальской Сибири. Особенностью исторического развития ее территорий, обусловленных природно-географическими условиями Восточной Сибири, являлось сосредоточения русскоязычного населения вдоль рек с формированием приречной густой поселенческой сети с самобытным старожильческим населением, которая в период строительства ГЭС на реках Лене, Ангаре, Енисее попала под затопление. История переселений этих деревень вывела исследователей на вопросы адаптации населения к новым экономическим, социальным, культурным и политическим условиям.

Новая тенденция в деятельности российских устных историков в 2010-е гг. связана с отходом от заточенности на ранее запретных темах и сосредоточении усилий на антропологическом содержании истории, решая уже не столько глобальную проблему воссоздания «истории снизу» по тем или иным историческим событиям, сколько «взгляда изнутри» с реконструкцией ощущений рядовых участников. И для этого становится уже не так важно в контексте каких событий извлекается антропологическое содержание исторических процессов - трагических, таких как депортации или репрессии,

³⁶ Мокрова М.В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 : Москва, 2004 253 с.; Илизаров С.С., Валькова О.А., Мокрова М.В. История науки и техники в Москве (Учебно-методические материалы). М., 2003

или созидательных – мелиорация, индустриализация или целина. Рассматривая через *lifestory* те или иные исторические события устная история выполняет еще две важнейшие функции. Во-первых, социальную функцию, т.к. устная история восстанавливает и укрепляет межпоколенные связи в любом обществе. Для постсоветского пространства важным является восстановление связей между поколениями дедов, которые часто позиционируются псевдоисториками как «коммуняки» и поколением внуков, которые и так исторически всегда стоят в оппозиции к отцам и дедам, тем более в ситуации которая усугублена политикой низвержения советского прошлого, для утверждения новой власти. Во-вторых, устная история выполняет мемориальную функцию, воздавая должное рядовым участникам прошлой исторической жизни, их повседневному трудовому или военному подвигу, который содержится в *lifestory*.

Примером переориентации в последние годы на антропологическое содержание исторического прошлого является деятельность Центра устной истории и этнографии АлтГПУ, который, пожалуй, единственный, созданный автором еще в 1990-м году, действует в настоящее время в Алтайском государственном педагогическом университете. В декабре 2018 года ему исполниться 28 лет. Созданный устный архив содержит коллекции материалов интервью по истории XX столетия на основе экспедиций за 28 лет в более чем 600 сел из имеющихся 1598 сельских населенных пунктов (данные 2010 г.). На учете состоит почти 4 тысячи аудиоинтервью (около 2,5 тыс. часов записи), половина из которых имеют транскрипты. Свыше 70 тысяч фотодокументов с аннотациями.

На сегодняшний день - это и научный, и исследовательский, и методический, и образовательный центр³⁷. Начав с историко-конкретных проектов, таких как определения границ захоронения расстрелов в районе Бар-

³⁷ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история : моногр. / Т. К. Щеглова. - Барнаул : БГПУ, 2008. - 527 с. : ил. - Библиогр. в конце гл. и в подстроч. примеч. ; Щеглова Т.К. Щеглова Т. К.

наульской тюрьмы в 1930-е гг. для установления статуса кладбища, или проекта по истории исчезнувших сел Алтая в XX столетии, коллектив центра перешел к анализу исторических событий через призму «Человека в истории» и «История в человеке» с созданием и интерпретацией «человеческих документов». Например, вопросы адаптации российского общества к перманентным преобразованиям в XX столетии, инструментами которых и в советское, и в современное время являлись государственно-партийные кампании, которые зачастую сопровождались ухудшением условий жизнедеятельности семьи. А антропологическими аспектами этих исторических процессов являлись повседневные адаптационные практики и заместительные технологии в системе жизнеобеспечения семьи и социума, жизненные стратегии семьи в борьбе с трудностями, например, в борьбе с голодом и холодом в годы войны или коллективизации и т.д. Эти и подобные вопросы пока остаются на периферии исследовательского поля российских историков. Центр УИиЭ разработал методiku и научно-методический арсенал по изучению антропологии крестьянства в контексте исторических событий XX столетия, по антропологии репрессированных сообществ и т.д.

Устная история: учебное пособие для студентов вузов / Алтайская государственная педагогическая академия. – Барнаул, 2011. – 363 с. – Допущено УМО по направлениям педагогического образования. – Библиогр.: с. 354-363 ; Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве : сборник научных статей / отв. ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул, 2017. Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сборник научных статей и источников / Алтайский государственный педагогический университет ; отв. ред. Т. К. Щеглова. – Электрон.дан. – Барнаул, 2016.

URL: <https://www.altspu.ru/engine/download.php?id=24521>, свободный.; Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. — Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. — 132 с. и др.

Примером изучения антропологического содержания исторических событий является реализуемый автором с 2017 года проект, связанный с депортациями на Алтай. В исторической литературе эта тема отражена фрагментарно. Одной из причин, наряду с ограниченностью источников, является несовершенство методики работы с информационной средой населенных пунктов, под которой автор подразумевает, наряду с объектами материальной культуры этносоциальных групп села или города, мыслительные конструкты - оценки и представления в исторической памяти. Депортации на Алтай начались с 1939 г., когда по пакту Молотова и Рибентропа в СССР вошли территории Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики, а часть населения была депортирована, в т.ч. на Алтай прибыли литовцы, украинцы, поляки. А закончились депортации на Алтай армянской депортацией 1949 г. В исторических исследованиях основное внимание, во-первых, уделялось депортациям немцев 1941 года, во-вторых, преобладают исследования вопросов, связанных с выселением и доставкой, частично размещением депортированных народов. А вот что происходило в местном принимающем обществе, как выстраивались отношения между израненным похоронками сельским, преимущественно русским обществом и прибывающими иноэтническими депортантами, в свою очередь ранеными необоснованными обвинениями, до сих пор оставалось за рамками исследований. Интересным является и межкультурный диалог в решении вопросов питания, обеспечения одеждой, решении проблем обустройством жилища в трудных условиях жизнедеятельности военного и послевоенного времени. Именно совместное преодоление трудностей и использование этнокультурного опыта стали важнейшими факторами в формировании микроклимата в сельском обществе и преодолении негативных стереотипов и предрассудков.

На сегодняшний день, число центров устной истории в Российской Федерации является не стабильным. Процессы появления и ликвидации центров связаны как с объективными,

так и субъективными факторами. Сложным вопросом является финансирование их деятельности. Университеты, являясь государственными образовательными учреждениями с федеральным финансированием, имеют ограниченные статьи расхода на возможности финансирования научно-исследовательских работ. Примеры поддержки со стороны финансово-предпринимательских кругов единичны. Можно назвать грантовую поддержку Фонда Прохорова, в частности, поддержка центра устной истории в МГУ, поддержка конкурса школьных работ «Мемориал». В этом отношении позитивный опыт американских устных историков, которые сделали устную историю своей профессией и зарабатывают деньги написанием корпоративной истории целых отраслей промышленности, науки, культуры, не пригоден для российской практики. Одним из выходов в создавшейся ситуации стало создание виртуальных центров устной истории в сети Интернет. Как, например, межвузовский сайт, по устной истории на базе Кубанского государственного технологического университета (И.В. Реброва) и Ставропольского государственного университета (Е.Н. Стрекалова). Подобный проект реализуется на базе Томского историко-краеведческого музея «Сибиряки вольные и невольные», на котором размещены вопросники и формируются коллекции аудио воспоминаний.

Таким образом подведем итоги. Во-первых, возникновение российского варианта Oral history как самостоятельного направления научной деятельности начиналось с обращения к ранее замалчиваемым темам благодаря наступившей гласности в годы перестройки, снявшей с многих трагических событий XX столетия запреты на изучение и обсуждение. Произошло это тогда, когда еще были живы участники исторических драм XX столетия – репрессий и войн, что являлось благоприятным фактором для создания центров устной истории. Побудительными мотивами были и высокое гражданское звучание этих вопросов, и запрос общества на реабилитацию пострадавших в годы репрессий. Для историографического

сообщества России важную роль сыграло отсутствие адекватной источниковой базы для изучения «белых пятен» и «лакун». В этом отношении, устная история в России стала подспорьем не только для научной деятельности, но и для общественного и правозащитного движения, которое быстрее обратилось к исторической памяти советских людей. Однако, для академических структур понадобилось не одно десятилетие, чтобы преодолеть недоверие к устной истории, ее методам и ее источникам. До сих пор нельзя говорить о полном признании устной истории так называемыми «кабинетными» историками, к которым автор относит исследователей, стоящих на позициях модернизма с его культом письменных архивных источников, что выливается в противопоставление письменной и устной информации, как оппозиция знания и мифа.

Во-вторых, устная история в России по ряду причин тесно смыкается с локальной историей и региональным подходом. В этом отношении устная история, как и краеведение, является своеобразной исторической лупой, под которой общероссийские процессы и официальные оценки прошлого корректируются. Под влиянием региональных вариантов исторического развития и жизненных историй рядовых участников разрушаются гляцевые и отшлифованные реконструкции прошлого. Именно поэтому еще в советское время краеведение испытывало взлеты, когда государство хотело услышать «историю снизу» и падения, когда краеведные исследования с опорой на историческую память подрывали парадную историю. Алгоритм подъемов и падений краеведения диктовался юбилейными датами (50-летие Октябрьской революции или 100-летие В.И. Ленина) и государственной идеологией (это вылилось в массовое создание ленинских комнат и комнат трудовой славы). В этом смысле развитие и устной истории, и краеведения зависит от степени сформированности общественных институтов и их влияния на государственные и властные структуры.

В-третьих, особенностью современного развития устной истории в России стало возросшее осознание и антро-